

КОНЦЕПТЫ ЭМОЦИЙ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

СВЕТЛАНА В. КОРОСТОВА

Южный федеральный университет
Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Кафедра русского языка
ул. Большая Садовая, 105/42, 344006, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: svetolen@yandex.ru
(получено 27.07.2015, принято 27.09.2015)

Abstract

Concepts of emotion in Russian language culture

The article gives a linguo-cultural analysis of such concepts as fear, suffering and joy, which are the most prominent in the Russian linguistic picture of the world. Special attention is given to language means on different levels used to represent emotional conditions. Research of the dynamics of notional constituents of such emotional concepts as fear, suffering and joy in Russian linguistic consciousness is followed in the article by identifying obligatory features of the examined concepts and establishing the specifics of their language projections. The analysis of socio-cultural components of the concepts is connected to the cognitive interpretation of events in the human consciousness, which can be influenced by the change of the “emotional mode”.

Key words

Concepts of emotions, linguistic picture of the world, Russian linguistic consciousness, emotive, linguistic representations of a concept.

Резюме

В статье представлен лингвокультурный анализ концептов эмоций *страх*, *страдание*, *радость* как одних из наиболее значимых в русской языковой кар-

тине мира. Особое внимание уделено разноуровневым языковым средствам репрезентации эмоциональных состояний. Исследование динамики понятийных составляющих концептов эмоций *страх*, *страдание*, *радость* в русском языковом сознании сопровождается в статье выявлением облигаторных признаков рассматриваемых концептов и установлением специфики их языковых проекций. Анализ социокультурной составляющей концептов связан с когнитивной интерпретацией событий в сознании человека, которая может быть изменена под влиянием «эмоционального режима».

Ключевые слова

Концепты эмоций, языковая картина мира, русское языковое сознание, эмотив, языковые репрезентации концепта.

Сфера эмоционального входит в ценностную картину ментального мира говорящего на русском языке, чем объясняется многообразие языкового выражения эмоционально-оценочных смыслов в процессе общения. В русском языковом сознании эмоции отражают многовековой опыт народа посредством универсальных и культурно специфических представлений об эмоциональных переживаниях. Концепты эмоций *радость*, *страдание*, *страх*, как представляется, занимают особое место в составе исходных эмотивно-оценочных смыслов, формируя основу психического склада личности. Кроме того, рассматриваемые эмоции входят в состав базовых, или фундаментальных, выделенных известным американским психологом Кэрролом Э. Изардом: 1) интерес — волнение; 2) радость; 3) удивление; 4) горе — страдание; 5) гнев; 6) отвращение; 7) презрение; 8) страх; 9) стыд; 10) вина¹.

Широко представленные в русской литературе средства выражения и описания эмоциональных состояний персонажей позволяют говорить о том, что концепты страха, страдания и радости приобретают особую значимость в русской лингвокультуре. Используя русские художественные тексты XIX–XXI вв., представленные в национальном корпусе русского языка, тексты русских народных сказок из сборника Александра Николаевича Афанасьева, а также материалы лингвистических словарей, в частности *Толкового словаря живого великорусского языка* Владимира Ивановича Даля, *Большого толкового словаря синонимов русской речи* под общей редакцией Людмилы Григорьевны Бабенко, *Словаря русской культуры* Юрия Сергеевича Степанова и других, мы предприняли попытку лингвокультурного анализа названных концептов эмоций. Представляется важным определить специфику их актуализации в русской наивной языковой картине мира и в концептосфере художественной литературы. Исследуемые художественные тексты и словарные материалы подтверждают неоднократно высказываемую учеными мысль о том, что, занимая в ситуации центральную

¹ К.Э. Изард. *Психология эмоций*. Санкт-Петербург: Питер, 2006, с. 64.

позицию, русский человек вместе с тем не властен над ней, подчинен некоторой стихийной силе, осознаваемой как нечто противостоящее субъекту, например:

Она перестала пряхать и сидела, низко опустив голову, тихо положив руки вдоль колен. В ее неподвижно остановившихся глазах с расширившимися зрачками отразился какой-то **темный ужас**, какая-то **невольная покорность таинственным силам** и сверхъестественным знаниям, осенявшим ее душу.

(А.И. Куприн. *Олеся*)

Страх и страдание как нежелательные, но необходимые эмоции противопоставлены эмоциональному состоянию радости, которое опознается лишь потому, что в сознании испытывающего радость есть представление о страхе или страдании. Само отсутствие негативных состояний страха и страдания, в которых пребывает человек, может спровоцировать состояние радости, поскольку для нас характерно стремление к состоянию эмоционального комфорта и желание избежать ситуаций эмоционального дискомфорта. Однако потребность в радости предполагает и потребность в страданиях.

Страх относится к тем универсальным концептам эмоций, языковые проекции которых включают эмоциональную оценку ситуации и ее компонентов, включая самого субъекта речи и чувства. Страх может переживаться человеком в самых разных ситуациях, однако все эти ситуации ощущаются субъектом как такие, в которых его спокойствие и безопасность оказываются под угрозой. Иными словами, страх представляет собой результат когнитивной оценки ситуации как потенциально опасной для человека. Общеизвестным считается факт, что именно эмоции являются мотивационной основой сознания говорящего и его речевого поведения. В этом смысле следует особо отметить известный психологический феномен: переживания, связанные со страхом, навсегда сохраняются в сознании.

В исследовании концепта представляется значимым утверждение Дмитрия Сергеевича Лихачева о том, что материальным воплощением концепта следует признать слово в одном из его основных значений, а не во всей их совокупности². Эмоции универсальны, однако семантическое наполнение рассматриваемых понятий, языковое выражение данных концептов национально специфично. Ядерными компонентами эмотивно-оценочных концептов мы считаем языковые единицы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют языковую картину мира носителей языка. Концепты эмоций выступают как этнокультурно обусловленные структурно-смысловые ментальные образования, формирующие языковую картину мира говорящих на русском языке. Нельзя не согласиться с Анной Андреевной Зализняк в том, что

одной из ключевых для русской языковой картины мира идей является представление о **непредсказуемости мира**: человек не может ни предвидеть будущее, ни повлиять на

² Д.С. Лихачев. *Концептосфера русского языка*. «Известия РАН. Серия литературы и языка» 1993. Т. 52, №1, с. 3–10.

него. ...Русский язык обладает удивительным богатством средств, обеспечивающих говорящему на нем возможность снять с себя ответственность за собственные действия³.

Об этом пишет в одной из своих работ Анна Вежбицкая⁴:

...русский язык располагает также богатым арсеналом средств, дающих людям возможность говорить о своих эмоциях как о независимых от их воли и ими неконтролируемых.

Во многом положение о неконтролируемости эмоций может быть отнесено и к концептуализации эмоционального состояния страха. Русский язык, замечает Вежбицкая, описывая эмоциональное состояние индивида, поддерживает те конструкции, в которых представлена чисто субъективная внутренняя точка зрения на эмоциональную ситуацию, а сам говорящий изображен как пассивный экспериенсер (ср. *Мне страшно* вместо *Я испытываю страх*). Возможно, такая позиция субъекта речи связана с метафорическим механизмом концептуализации эмоций, а также с одним из основных категориальных признаков эмоционального состояния — его неконтролируемости, например:

У страха глаза велики;
Страх — худший враг;
У страха глаза что плоски, а не видят ни крошки; ...
У меня даже в груди и во рту похолодело от страха
(А. Куприн. *Олеся*)

Страх туманит очи....
(В. Жуковский. *Светлана*)

Эмоциональные процессы получают положительную или отрицательную оценку в зависимости от того, как соотносится действие, которое человек производит, или воздействие, которому он подвергается, с его потребностями, ценностями, установками. Соответственно положительное эмоциональное воздействие и эмотивная реакция на него получает положительный знак, а отрицательное — отрицательный. Концепты эмоций, таким образом, формируются в сознании индивидуума параллельно с ценностными ориентирами. Оценка в сознании субъекта связана с осознанием, интерпретацией информации о ситуации, когнитивное всегда предшествует эмоциональному. Таким образом, в основе формирования концепта эмоционального состояния страха лежит негативное оценочное представление о ситуации, в которой человек может его испытывать.

В русском языковом сознании рассматриваемый концепт представлен несколькими смысловыми линиями: страх, соединенный с ненавистью, страх пе-

³ А.А. Зализняк. *Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира*. [В:] А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва: Языки славянской культуры, 2005, с. 154.

⁴ А. Вежбицкая. *Семантические универсалии и базисные концепты*. Москва: Языки славянских культур, 2011, с. 342.

ред насилием и террором, «страх перед самим бытием», «страх перед существованием вообще», «тоска, страх, тревога», боязнь греха, страх перед смертью⁵.

Лексикографическое описание концепта *страх* строится на синонимических отношениях ядерного компонента: страх — <очень сильный испуг, сильная боязнь>. Отсутствие антонимических отношений компенсируется в толковом словаре объемным списком синонимов: *ужас, трепет, жуть (разг.), страсть (прост.), испуг, паника; перепуг (разг.) / перед чем-либо, что угрожает в будущем: боязнь, опасение, опаска (разг.)*⁶. Синонимические отношения между лексемами определяются интегральной семой <бояться>, дифференциальные семы отражают степень проявления интенсивности эмоционального состояния, лексикографические пометы устанавливают прагматические характеристики членов синонимического ряда.

Известно, что интенсивность эмоции может быть качественной и количественной. Качественная интенсивность, по утверждению Владимира Григорьевича Гака, актуализируется выбором более сильного слова в ряду синонимов (ср. *ужас* вместо *страх*), количественная — в повторении слова, имеющего эмоциональную окраску⁷. Интенсивный страх ограничивает свободу поведения человека, «в страхе, замечает Изард, — человек перестает принадлежать себе, он движим одним-единственным стремлением — устранить угрозу, избежать опасности»⁸. Следовательно, страх, как и другие базовые эмоции, выполняет важные адаптивные функции: «не существует более сильной мотивации для поиска безопасной среды существования, чем страх»⁹.

В отличие от близких по физиологической природе негативных эмоциональных состояний горя и печали, которые *тяготят, подавляют*, т.е. характеризуются известной степенью длительности переживания, деструктивная эмоция страха *поражает, берет*, а высшая степень проявления этого чувства — *ужас* — *сковывает, охватывает, приковывает к земле*. Отчасти в сознании субъекта страх ассоциируется с болезнью, которая обладает способностью мгновенно воздействовать на тело и мозг человека. Метафорически осмысленные лексемы и фразеологические единицы со значением страха, составляющие ядро концепта, основываются преимущественно на номинациях частей тела человека, подвергающихся мгновенному воздействию чувства страха: *мороз по коже пробегает, кровь леденеет, стынет в жилах, со страху поджилки дрожат, под страхом ноги хрупки, волосы встают дыбом* и т.п.

Таким образом, основной донорской зоной метафоризации для концепта *страх* становятся названия частей тела человека (ср. *радость* преимуществен-

⁵ Я. Плампер. *Эмоции в русской истории*. [В:] *Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций*. Ред. Я. Плампер, Ш. Шахадат и М. Эли. Москва: Новое литературное обозрение, 2010, с. 892 – 898.

⁶ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. *Толковый словарь русского языка*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Азъ, 1994, с. 761.

⁷ В.Г. Гак. *Синтаксис эмоций и оценок*. [В:] *Функциональная семантика. Оценка, экспрессивность, модальность*. Москва: Институт языкознания, 1996, с. 22.

⁸ К.Э. Изард. *Психология эмоций...*, с. 311.

⁹ Там же, с. 316.

но «внутри» человека, это «внутреннее ощущение, параллельное чему-то во внешнем мире»¹⁰: *радость рождается, растет, живет, просыпается, рвется наружу*). Если сравнивать эмоциональное состояние страха и радости, то первое оказывается менее статичным, т.е. временной отрезок, в течение которого эмоция не изменяется, «длится», для состояния радости более стабилен, чем для эмоционального состояния страха. В большинстве русских паремий страх субъективируется, ассоциируясь в сознании с одушевленным негативным «не-что во мне», от которого необходимо освободиться. Концепт эмоциональной оценки, актуализирующийся в речи, непосредственно связан с интерпретацией негативной ситуации, нежелательной для говорящего, не соответствующей его ожиданиям. Языковой проекцией концепта *страх* являются также эмотивные предложения-высказывания, включающие лексему *страх* и синонимичные ей: *Страх как испугался! Страх какой сердитый!*

В коллективном сознании говорящих на русском языке концепт *страх* вызывает ассоциации с темнотой, ночью, черным цветом, неопределенностью. Например:

Вот солнце село, кругом темнеть стало — боится Маруся одна оставаться.
(*Упырь*. Русская народная сказка)

Перед образом горела лампада, и в комнате не видно было ничего необыкновенного, но сердце в ней трепетало от страха: она внятно слышала, что кто-то ходит по комнате и тяжело вздыхает.

(А. Погорельский. *Лафертовская маковница*)

Страх представлен как нечто враждебное человеку, не зависящее от его воли и желания. Страх опредмечивается, субъективируется, «очеловечивается» и «действует» самостоятельно, хотя и целенаправленно: единственным «объектом», то вмещающим, то отторгающим чувство страха, является человек:

... когда поутру взошло красно солнышко и яркими лучами украсило комнату, то и страх исчез, как будто его никогда не бывало.

(А. Погорельский. *Лафертовская маковница*)

Такое национально-культурное представление о концепте отражается в синтагматических связях ядерной лексики: *страх обуяет, и растеряешься; нагнать страху; держать в страхе кого-либо; навести страх на кого-либо; обмереть от страху; онеметь от страха; привести в страх; застыть от страха; у страха глаза велики; от страха душа в пятки уходит*. Эмотивно-оценочные фразеологизмы подчеркивают специфику восприятия русского человека в эмоциональном состоянии страха: оно гиперболизируется, искажается, часто не соответствует объективному положению дел. В то же время языковые проекции концепта имплицитно в сознании представляют представление о том, что человек должен преодолеть свой страх, что на самом деле это чувство не обладает приписываемой ему интенсивностью и силой воздействия.

¹⁰ Ю.С. Степанов. *Константы. Словарь русской культуры*. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Академический Проект, 2004, с. 451.

Концепт эмоциональной оценки, соотносимый с понятием «страх», не дублирует семантические отношения ядерной лексемы, актуализируя дополнительные эмотивно-оценочные компоненты значения. В некоторых случаях (например, когда оценка имеет ситуативный характер) может происходить десементизация лексемы *страх* и синонимичных ей лексических единиц: *Страх как пить хочется! Жуть как устал! Ужас как спать хочу!* Вероятно, появление в речи ненормативных (с точки зрения синтагматических связей) сочетаний типа *страшно красиво, жутко вкусно* есть результат трансформации эмотивного высказывания, построенного по схеме: *Страх (страшно, ужас, ужасно, жуть, жутко) как хочется (хочу) + Inf.* Причем ядерная лексема или ее ближайшие понятийные синонимы выполняют роль интенсификатора действия, соотносимого с наречием меры и степени *очень*.

Концепт *страх* в русском языковом сознании близок концепту *смерть*: издавна черный цвет на Руси символизирует печаль и траур, сопровождающие уход человека из жизни. Ассоциативные связи отразились в устойчивом сочетании *страх смерти* (при невозможности трансформации в сочетание с согласованием компонентов — *смертельный страх*, выражающее отношение уподобления и интенсифицирующее семантику ядерной лексемы), *под страхом смерти*. Негативная оценка концепта *смерть* вызвана прежде всего неопределенностью понятийной составляющей, о чем писал Жак Деррида, заключая выражение *моя смерть* в кавычки из-за полной иллюзорности его значения. Интерпретируя это понимание концепта, известный лингвист, философ Елена Николаевна Гурко пишет:

Смерть как феномен не имеет в качестве прототипа то, что она предположительно должна обозначать, — никто не видел смерть (если припомнить древнее изречение, приписываемое Эпикуру, но, видимо, намного более давнее, о бессмысленности страха смерти, ибо, пока есть человек, смерти нет, а когда есть смерть, человек больше не существует)...¹¹.

Концептуальное представление о страхе смерти воплощается и в русском паремиологическом фонде, хранящем этнический менталитет народа: *Смерти бояться — на свете не жить; смелый умирает один раз, а трус — каждый день; страх хуже смерти*. Представление о страхе смерти в русском языковом сознании определяется философским пониманием неизбежности этого события, его интерпретацией в языковой картине мира как события будущего, о котором незачем думать в настоящем (см. *Не умри раньше смерти; Умереть сегодня — страшно, а когда-нибудь — ничего*).

Репрезентация концепта *страх* в речи связана прежде всего с уровнем эмотивного синтаксиса: междометные предложения, обращения, фразеосхемы, коммуникемы реализуют функцию выражения чувства и не предназначены для воздействия на собеседника. Появление коммуниканта и восприятие его в качестве объекта целенаправленного речевого действия нейтрализует эмоции го-

¹¹ Е.Н. Гурко, Ж. Деррида. *Деконструкция. Тексты и интерпретация*. Минск: Экономпресс, 1994, с. 166.

ворящего и переводит эмотив в разряд перформатива. При этом высказывание может передавать и императивное значение, например:

Но девушка сказала следующее: — Жутко хочу что-нибудь съесть. Я сегодня еще не завтракала.

(А. Битов. *Пенелопа*)

Преднамеренное обращение к эмотивам в речи, по данным психологов, может вызвать в сознании говорящего то эмоциональное состояние, знаками которого являются использованные эмотивы. К таким эмотивам, входящим в семантическое поле концепта *страх*, можно отнести следующие фразеосхемы и коммуникемы, т.е. нечленимые предложения, экспрессивность которых, по утверждению Вадима Юрьевича Меликяна, «заложена не только в их коннотативном аспекте, но и в ядре значения»¹²: «Страх! <Просто> страх <какой (-то) [да и только, какой-то да и только]>! Выражение страха, ужаса, негат. оц. отнош.»¹³. Эмоциональное состояние страха может быть вербализовано в высказываниях, представляющих декларативные речевые акты, когда речевое действие совпадает с физическим и эмоциональным, например:

— Мамочка сказала, что человек умирает...и все. Ничего не остается. Совсем ничего. Только дети и профессиональные достижения. Вот вам хорошо, а от меня, от меня ничего не останется. **Мне же страшно!**...

(У. Тулина. *Дура*)

Эмотивно-оценочные концепты *страдание* и *радость* представляют собой два полюса оценки — негативный и позитивный. По мнению Ю.С. Степанова, «внутренняя форма концепта «Радость», по данным этимологии, в русском языке такова (описание применительно к субъекту «Я»):

Ощущение внутреннего комфорта, удовольствия бытия, возникшее в ответ на осознание (или просто ощущение) гармонии меня со средой, «заботы» кого-то обо мне, ... и сопровождающееся моей готовностью проявить такую же заботу в отношении к другому...¹⁴.

Уникальность данного концепта эмоций в русской лингвокультуре заключена в его собственной семантической сфере, которая соотносится со смысловыми доминантами русской языковой личности — приоритет внутреннего чувства над внешним (к внешнему относится концепт *удовольствие*). Как замечает Анна А. Зализняк, выделяя в одной из своих работ оппозицию *радость* — *удовольствие*,

удовольствие, будучи само по себе аксиологически по меньшей мере нейтральным, в русской языковой картине мира сдвигается в область отрицательной оценки: человек,

¹² В.Ю. Меликян. *Словарь. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи*. Москва: Флинта: Наука, 2001, с. 22.

¹³ Там же, с. 180.

¹⁴ Ю.С. Степанов. *Константы. Словарь русской культуры...*, с. 453.

одолеваемый жаждой удовольствий и проводящий свою жизнь в погоне за удовольствиями, представляется жалким, бездуховным существом¹⁵.

Обращая внимание на двойственность концепта *радость*, Юрий Сергеевич Степанов отмечает, что само явление радости как бы распределено между материальным объектом, средой, и внутренним состоянием человека, причем среда есть причина, а внутреннее состояние — следствие¹⁶. Нельзя не увидеть тот же двойственный характер представлений о страдании, где окружающий мир становится причиной негативного состояния субъекта, а само внутреннее состояние превращается в следствие.

Традиционное противопоставление лексических манифестантов концептов эмоций *радость* – *горе*, как представляется, связано с парадигматическими отношениями их ядерных компонентов. Однако эта оппозиция основывается скорее на общей семе — <причина внутреннего состояния> и не затрагивает сему <следствие> (ср. *доставить радость* — *причинить горе*). Семантическая оппозиция *радость* — *страдание* акцентирует внимание на самом внутреннем состоянии, что отражается и в лексикографических дефинициях:

Страдание. 1. Физическая или **нравственная** боль, мучение. *Испытывать страдания. Умереть в страданиях*¹⁷.

Радость. 1. Веселое чувство, ощущение большого **душевного** удовлетворения. Испытывать р. Доставить р. Вне себя от р. (очень рад). С радостью помогу (очень охотно, с полной готовностью). 2. То, что (тот, кто) вызывает чувство: *Радости жизни. Дети — р. Матери. Р. ты моя!* (часто в обращении). 3. Радостное, счастливое событие, обстоятельство. *В семье р.: приехал сын...*¹⁸.

Лексема *радость* полисемична, однако два последних значения не имеют отношения к выражению эмоций, скорее — к причинам, которые их вызывают.

Как правило, в русской повседневной речи имя эмотивно-оценочного концепта не может занимать позицию подлежащего. Если это происходит, то перед нами возвышенный стиль речи, художественные тексты, в которых отражен процесс метафоризации, например:

И **радость** в душу пролилась, Как отзыв торжества природы, Как Бога животворный глас!

(Ф. Тютчев. *Весна*)

Его курносое лицо исказилось; шея вытянулась. Если бы таким движением поднял голову волчонок, было бы ясно, что он сейчас завоюет. Везде и во всем было **страдание**.

(Борис Пастернак. *Доктор Живаго*)

В сознании говорящих на русском языке концепты эмоций *страдание* и *радость* взаимообуславливают друг друга: в пресуппозиции представления о страдании существует знание о том, что оно не бесконечно и всегда сменя-

¹⁵ А.А. Зализняк. *Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира...*, с. 156–157.

¹⁶ Ю.С. Степанов..., с. 448.

¹⁷ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. *Толковый словарь русского языка...*, с. 760.

¹⁸ Там же, с. 629.

ется радостью, и наоборот, например: *Кто с вечера плачет, поутру засмеется; Сей слезами, радостью пожнешь*. Русское наивно-языковое сознание отражает древнейшие представления о чередовании явлений и событий, желательных и нежелательных для человека.

В русской языковой картине мира концепты *страдание* и *радость* тесно связаны с такой категорией национальной культуры, как *доля*. Ядерный компонент концепта входит в синонимический ряд *судьба, участь, жребий, удел*, доминантой которого является лексема *судьба*. Определяя значения лексем, Алексей Дмитриевич Шмелев утверждает, что в русском языке под судьбой понимаются <события чьей-либо жизни> и <таинственная сила, определяющая события чьей-либо жизни>. Соответственно этим двум значениям лексема *судьба* является доминантой двух различных синонимических рядов: (1) *рок, фатум, фортуна* и (2) *доля, участь, удел, жребий*. В результате исследования данных синонимических рядов ученый приходит к выводу:

за употреблением этого слова стоит представление о том, что из множества возможных линий развития событий в какой-то момент выбирается одна (*решается судьба*) — важная роль, которую данное представление играет в русской картине мира, обуславливает высокую частоту употребления слова *судьба* в русской речи и в русских текстах, значительно превышающую частоту употребления аналогов этого слова в западноевропейских языках¹⁹.

Представляется релевантным эмотивно-оценочный компонент смысла ядерной лексемы концепта, входящей в синонимический ряд *доля, участь, удел, жребий* — <таинственная сила, определяющая негативные события чьей-либо жизни, изменить которые человек не в состоянии>.

Говоря о негативно-оценочном эмоциональном фоне при употреблении синонимического ряда (2), обратимся к наивной картине мира, отраженной в фольклорных источниках. Например, в русской пословице *Доля есть да воли нет* явно отрицательную оценку получает именно невозможность контролировать судьбу, изменить ее, хотя в славянской мифологии воплощением счастья выступала именно *Доля*. Для отношения русского человека к *доле* характерна некоторая интимизация, введение данного концепта в структуру внутреннего мира говорящего: это единственное из синонимического ряда существительное, имеющее закрепленную лексикографическую форму субъективной оценки — *долюшка*. Современное употребление свидетельствует о том, что языковые репрезентации концепта *доля* синтагматически близки ядерному компоненту концепта эмоций *страдание* (ср. *На его долю выпало много страданий / горя, мучений* при невозможности сочетаний с лексемами *радость, удовольствие*), причем временные рамки этого действия охватывают и прошлое, и настоящее. Сочетание *счастливая доля* в современной речи обозначает позитивный случай, событие, желательное для говорящего, но оставшееся в прошлом или отнесенное к будущему. Во многом такая синтагматика определена социокультур-

¹⁹ А.Д. Шмелев. *Лексический состав русского языка как отражение «русской души»*. [В:] А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. *Ключевые идеи русской языковой картины мира...*, с. 30.

ными условиями функционирования концепта: представление о судьбе часто менялось в сознании говорящих на русском языке.

Нельзя не заметить, что в концептах эмоций *страдание* и *радость* содержится информация об их тесной связи с универсальной категорией времени. *Страдание* осознается как более длительный процесс, нежели *радость*. Однако для последнего характерно представление о подготовительном периоде, предчувствии радости, его меньшей непредсказуемости для человека, чем эмоциональное состояние страдания. Эмоциональный опыт страдания оказывается значительнее, чем скоротечные минуты радости:

В большом горе и маленькая радость велика;
В страданиях время тянется долго;
Натерпишься горя – научишься жить;
Ни радости вечной, ни печали бесконечной;

Когда на то нет божьего согласия,
Как ни страдай она, любя, –
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...

(Ф. Тютчев. *Когда на то нет божьего согласия...*)

Отношение человека к окружающему миру, его эмоциональное состояние и поведение может измениться под воздействием значения употребленного в речи слова. Еще в 1933 году историк-социолог Норберг Элиас издал в Швейцарии труд *О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования*, в котором охарактеризовал современного человека как личность, сдерживающую свои эмоции: слезы, безграничную радость или открытую ненависть. Эмоции предстают как продукт человеческой природы и истории, зависящий от «отношений с другими людьми»²⁰.

Концепция Элиаса трактует чувства личности как результат взаимного и культурно варьирующегося влияния эмоционального выражения индивидов. Кроме того, эмоциональное поле целого коллектива (нации, этноса) расценивается ученым как результат взаимодействия членов этого коллектива друг на друга. Это положение подтверждается экспериментальными данными естественных наук, например, высказывание вслух эмоционально-описательного слова или выражения типа «Я боюсь» «не просто описывает реальное эмоциональное состояние, но и усиливает или даже вызывает его вплоть до физиологических последствий (при чувстве страха это — потливость, дрожь и т.д.)»²¹. Преднамеренное обращение к эмоциям (языковым единицам, предназначенным для выражения эмоций) в речи может вызвать в сознании говорящего то эмоциональное состояние, знаками которого являются использованные эмотивы. К эмотивам, входящим в семантическое поле концепта *радость*, можно отнести следующие фразеологические единицы и междометные предложения: *Быть на седьмом небе, на верху блаженства; Слава Богу (Слава те (тебе) господи! Будет*

²⁰ Я. Плампер. *Эмоции в русской истории...*, с. 14–15.

²¹ Там же, с. 21.

и на нашей улице праздник! Любо-дорого! Как (будто, словно, точно) маслом по сердцу; На радостях и т.п. Эмотивы, определяющие языковые репрезентации концепта *страдание*, не отличаются разнообразием, что, вероятно, связано с нежелательностью самого чувства для человека и невозможностью выразить его публично. К подобным эмотивам можно отнести паремиологические единицы с ключевыми словами *сердце и душа*, которые в русском языковом сознании предстают как вместилища страданий: *нож в сердце, сердце кровью обливается, сердце екает, замирает, падает, отрывается; до глубины души, душа болит, перевернуть всю душу* и т.п. Языковая репрезентация концепта связана с необходимостью реализации стратегии утешения, сочувствия, сострадания к субъекту эмоций. Однако названная стратегия, обусловленная культурно-историческими факторами, может подвергаться изменениям под воздействием «эмоционального режима».

Использование понятия «эмоциональный режим», введенного этнографом-историком Уильямом Редди, дает представление о том, что когнитивная интерпретация событий в сознании человека меняется под влиянием целенаправленного контроля за эмоциями. Под термином «эмоциональный режим» Редди понимает «набор нормативных эмоций и официальных ритуалов, практик и эмотивов, которые их выражают и внедряют, необходимый фундамент любого стабильного политического режима»²². Представление о нормативных эмоциях создается прежде всего за счет масс-медийного пространства русской культуры, в котором доминируют концепты *страха* и *страдания*. В современных условиях люди становятся в некотором смысле зависимыми от средств массовой коммуникации, прежде всего речь идет о знаниях и оценках того, что происходит в обществе. Тип и уровень этой зависимости, как справедливо замечает Вера Васильевна Богуславская, определяется рядом структурных условий:

Средства массовой коммуникации трактуются как определенные информационные системы, глубоко включенные в процессы формирования стабильности, изменений и конфликтов на уровне социума в целом, на межгрупповом и индивидуальном уровнях²³.

Среди совокупности эффектов, которые, по мнению исследователя современных журналистских текстов, определяют деятельность СМИ, выделяются аффективные, связанные с формированием чувств обеспокоенности, тревоги, страха.

Таким образом, концепты эмоций *страх* — *страдание* — *радость* характеризуются как культурно и исторически обусловленные величины. В русском языковом сознании концепты эмоций обладают свойствами «очеловечивания», непредсказуемости и неконтролируемости, что определяет их тесную связь с ключевыми концептами русской культуры — *судьба, доля, душа, смерть*. Кроме того, интерпретация действительности в сознании русского человека динамична, следовательно, и рамки языковых репрезентаций концептов оказыва-

²² Там же, с. 22.

²³ В.В. Богуславская. *Моделирование текста. Лингвосоциокультурная концепция*. Ростов-на-Дону: ЮО РАО, 2003, с. 109–110.

ются зависимыми от социокультурных условий, опосредованно формирующих языковую картину мира.

Литература

- Богуславская В.В. *Моделирование текста. Лингвосоциокультурная концепция*. Ростов-на-Дону: ЮО РАО, 2003.
- Вежбицкая А. *Семантические универсалии и базисные концепты*. Москва: Языки славянских культур, 2011.
- Гак В.Г. *Синтаксис эмоций и оценок*. [В:] *Функциональная семантика. Оценка, экспрессивность, модальность*. In *тетогіат Е.М. Вольф*. Ред. О.Н. Селиверстова, В.З. Демьянков. Москва: Институт языкознания, 1996, с. 20–31.
- Гурко Е., Деррида Ж. *Деконструкция. Тексты и интерпретация*. Минск: Экономпресс, 1994.
- Зализняк Анна А. *Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира*. [В:] Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва: Языки славянской культуры, 2005.
- Изард К.Э. *Психология эмоций*. Санкт-Петербург: Питер, 2006.
- Лихачев Д.С. *Концептосфера русского языка*. «Известия РАН. Серия литературы и языка», 1993, Т. 52, №1, с. 3–9.
- Меликян В.Ю. *Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи*. Москва: Флинта: Наука, 2001.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Азъ, 1994.
- Плампер Я. *Эмоции в русской истории*. [В:] *Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций*. Ред. Я. Плампер, Ш. Шахадат и М. Эли. Москва: Новое литературное обозрение, 2010.
- Степанов Ю.С. *Константы: Словарь русской культуры*. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Академический Проект, 2004.
- Шмелев А.Д. *Лексический состав русского языка как отражение «русской души»*. [В:] Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва: Языки славянской культуры, 2005, с. 25–39.